

ПОЛЬ АЛЬТЕР

СЕМЬ ЧУДЕС
ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Чай, кофе и убийства

Поль Альтер

Семь чудес преступления

«Издательство АСТ»

1997

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

Альтер П.

Семь чудес преступления / П. Альтер — «Издательство АСТ»,
1997 — (Чай, кофе и убийства)

ISBN 978-5-17-105954-5

Смотритель маяка сожжен заживо наверху башни, вокруг которой бушевало море... Любитель стрельбы из лука убит стрелой, посланной с неба... Мужчина умер от жажды в нескольких сантиметрах от кувшина с водой... В этих преступлениях так много тайн и загадок, что даже лучшие сыщики Скотленд-Ярда разводят руками и причисляют убийства к разряду невероятных. Сам убийца не менее оригинален. Он присылает в полицию картины, на которых сообщает о готовящихся преступлениях. Каждое убийство – это шоу, заранее спланированная мизансцена, автор которой всегда неукоснительно исполняет свои обещания, данные на холстах. Каждый раз, располагая датой, местом или именем жертвы, Скотленд-Ярд оказывается не в состоянии предотвратить трагедию. Сыщики обращаются за помощью к Оуэну Бернсу – талантливому детективу, обладающему незаурядными дедуктивными способностями и очень развитой интуицией. Оуэн, будучи настоящим эстетом, восхищен искусством преступника. Он принимает этот вызов и пытается разгадать как логические, так и искусствоведческие загадки убийцы.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-105954-5

© Альтер П., 1997
© Издательство АСТ, 1997

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Поль Альтер

Семь чудес преступления

Посвящается Мари-Франсуаз

П.А.

Часть первая

Икар

Глава 1

– *Вы меня любите? Это радует. Ну, а теперь убейте!* – внезапно заявил мой собеседник.

В этот прохладный и влажный вечер начала мая я отправился к моему другу Оуэну Бернсу, в его квартиру на Сент-Джеймс-сквер. Устроившись возле камина, мы оба угрюмо погрузились в собственные мысли. Целый день сильный дождь поливал Лондон, и ничего не предвещало его прекращения. Дух бродяжничества унес меня в Южную Африку, и я не без ностальгии вспоминал приятный климат своей родины. Мне было так хорошо, что понадобилось несколько секунд, чтобы уловить странный смысл замечания Оуэна. Чуть приподнявшись в кресле, я повернулся к нему, ожидая объяснений.

Облокотившись на каминную полку, мой друг задумчиво рассматривал листок белой бристольской бумаги, осторожно держа его двумя пальцами.

– Это принесли с вечерней почтой, – уточнил он, потирая подбородок.

– И это... все? – пробормотал я. – Все, что там написано?

– Да, все. Только эта фраза. И больше ни одного слова, если не считать моей фамилии и адреса на конверте. Почтовый штамп сообщает, что письмо отправлено ранним утром из почтового отделения недалеко от вокзала Виктория.

– И никакого начала? Ни обратного адреса, ни подписи?

– Ничего, я же говорю. Ничего, кроме этой фразы, впрочем, очень изящной, конкретной и довольно понятной... Ах! Не могу удержаться, чтобы не процитировать еще раз: *«Вы меня любите? Это радует...»*

По своему обыкновению, Оуэн Бернс выражался весьма высокопарно, что граничило почти с нелепостью, вовсе ему несвойственной. Казалось, он смакует каждый произнесенный слог, как будто пьет божественный нектар. Загадочная фраза, очевидно, казалась ему особенно сладостной. Несомненно, неизвестный автор послания сильно позабавился бы, глядя, как Оуэн в малиновом шелковом халате декламирует несколько слов. Высокого роста, плотного телосложения, мой друг выглядел весьма импозантно, рисуясь этим. Полные губы и тяжелые веки придавали томное выражение его лицу, впрочем, довольно обычному. Но взгляд оставался живым и лукавым.

Те из вас, кто читал описание его подвигов, изложенных мною в рассказе *«Король беспорядка»*, хорошо знаком с эксцентричной натурой Оуэна, и знает, что он – эстет, исповедующий тезис «искусство ради искусства» в его высшей утонченности. Цель его существования – поиск прекрасного во всех областях жизни, в том числе в блестяще совершенных преступлениях! Нередко опираясь на отдельные детали, Оуэн любил сравнивать некоторые убийства с произведениями искусства. «Тонкое чувство прекрасного» позволяло ему сразу распознавать «тех самых художников», которых он неизменно разоблачал, устанавливая их личности. Надо сказать, полиция всегда с живым интересом выслушивала его ценнейшие советы, когда застревала в процессе расследования крайне запутанного дела.

– Как вы думаете, Ахилл, – повторил он, – что означает эта фраза?

– Если *даже вы* этого не знаете, то какого черта хотите, чтобы знал я, ваш заурядный ученик?

– Я просто интересуюсь вашим мнением, Ахилл. И бросьте эту гадкую привычку горячиться, когда сталкиваетесь с малой толикой тайны!

– Я горячусь?! Да я всего лишь хотел самым естественным образом ответить на ваш вопрос! – воскликнул я.

– Тогда скажем, что вы недалеки от этого. В вашем голосе слышалась легкая досада с прорывающейся ноткой воинственности. Я очень хорошо это чувствую. Не говоря уже о совершенно лицемерной манере самоуничтожения. Конечно, вы мой ученик, но не такой уж и заурядный. И хватит увиливать. Ну же, посмотрите сюда и скажите, что вы об этом думаете.

Не говоря ни слова, я взял листок бристольской бумаги, который он протянул мне с такой осторожностью, как будто это была одна из его китайских фарфоровых безделушек. После долгого осмотра я сделал вывод:

– Буквы прописные... Достаточно светлые голубые чернила... Стиль одновременно живой и туманный... Возможно, это писала женщина?

– Не играйте в проницательного детектива, Ахилл. Это вам совсем не идет. К такому выводу вас привела одна фраза, а вовсе не результат тщательного осмотра!

– Вас интересовало мое впечатление, ну так я его высказал! Стараясь быть объективным и беспристрастным, я думаю, что это написала женщина! Женщина, которая перед тем, как расстаться с вами, требует в качестве доказательства любви совершения преступления и готова стать его жертвой!

Оуэн на мгновение задумался, затем сделал несколько шагов перед камином, а потом наградил меня взглядом, выражающим сомнение:

– Вы действительно так думаете? Или сказали это, чтобы доставить мне удовольствие?

Сияясь быть спокойным, я ответил:

– Ну, я не вижу, в чем...

– В любом случае, это сообщение адресовано не мне.

– Однако на конверте ваша фамилия и адрес!

– Конечно. Но я не «Вы», который «Вы меня любите?»

– Ну, в таком случае вы знаете автора этого послания?

Оуэн казался озабоченным. Он сжал губы и дошел до буфета, где был выставлен его знаменитый китайский фарфор.

– Думаю, у меня появилась смутная идея. Правда, она мне кажется настолько абсурдной, что... В общем, не будем пока об этом. Я не должен надоедать вам такими пустяками. И все же спасибо за ваше ценное мнение.

Он еще раз бросил взгляд на записку, затем направился к письменному столу, заваленному множеством неоплаченных счетов, – осязаемым доказательством того, что траты моего друга превышали имевшиеся у него средства. Оуэн с презрением порылся в них и, обескураженный, вернулся обратно. Остановившись у книжного шкафа, он достал с полки книгу, сунул в нее записку и поставил книгу на место. Прodelав это, он лениво развалился в кресле и устремил задумчивый взгляд на каминную полку, где стояли прелестные статуэтки девяти греческих богинь, сделанные из мыльного камня, – недавнее приобретение, которым, как мне казалось, он очень гордился.

Довольно долго мы слушали монотонное потрескивание огня и стук дождя по стеклам. Иногда тишину нарушал звон упряжи проезжающего фиакра. А мне не давал покоя один вопрос. Пустяковый вопрос, который не имел бы ни малейшего значения, если бы был обращен к любому жителю планеты: какую книгу выбрал Оуэн, чтобы положить в нее таинственную записку? Я находился слишком далеко, чтобы увидеть это. Конечно, он выбрал книгу намеренно. Дом всегда немного отображает того, кто в нем живет: книга, выбранная Оуэном, могла бы указать мне на то, что он решил не рассказывать по поводу этой записки. Я немного подождал, а затем, приняв совершенно отрешенный вид, спросил об этом у него, так как сильно подозревал, что порой мой друг находил удовольствие в молчании как раз в тот самый момент, когда я искал возможность удовлетворить свое любопытство по какому-либо вопросу.

Оуэн повернулся ко мне и сказал, забавляясь и насмешничая:

– Неужели вы не догадались? Это же вполне логично. Если бы вы несколько раз повторили фразу, как это сделал я, то поняли бы, что я не мог положить записку в какую-нибудь другую книгу, кроме... Вы молчите, Ахилл? Вы так же скупы на слова, как и муравей из басни?..

– «Басни» Лафонтена! – воскликнул я. Вы положили записку в эту книгу!

– Bravo, Ахилл. Живость вашего ума останется для меня одной из главных загадок вселенной! Разумеется, «Басни» Лафонтена! Вы, конечно, не забыли неизменно злободневные стихи этого великого поэта. Решительный тон и жестокая насмешка муравья над бедной стрекозой: «Ну, а теперь пойд и попляши!» Да, конечно, какой великий художник, этот Жан де Лафонтен! Поверьте мне, если бы у него был хороший или плохой вкус к преступлениям, король-солнце, несомненно, опасался бы сюжетов его басен!

– На мой взгляд, столь художественная оценка преступлений стала у вас чересчур навязчивой, – заметил я без тени насмешки.

– И не без причины! Так как порода аристократов преступления неистребима! Вы читали журналы за прошлый месяц? Удар за ударом. Полиция занималась двумя заворачивающими, необыкновенными преступлениями! В первом случае человек, как факел, сторел на самом верху маяка! Во втором – лучник идеально точно застрелен каким-то убийцей стрелой из арбалета!

Напыщенные выражения моего друга ничего не раскрывали в тайне этих двух преступлений. О первом, которое датировалось прошлым месяцем, у меня осталось довольно отчетливое воспоминание, после того как я прочитал в прессе заметку о собранных фактах. Жертва, некий Александр Райли, смотритель маяка, нашел ужасную смерть прямо на рабочем месте, на западном берегу, недалеко от Барнстапла. Плохие метеоусловия заставили его провести всю ночь на самой верхушке этого узкого строения. Такая длительная изоляция не являлась чем-то особенным и составляла часть его служебных обязанностей.

Событие произошло через двенадцать часов после того, как он появился на своем рабочем посту, на прочном гранитном маяке, возвышающемся на оконечности каменной гряды, которая выдавалась далеко в море. Между скользкими скалами вилась узкая и очень опасная тропа. Неосторожных путников, смытых предательской волной, было не счесть. Особенно неразумно было ходить там в сильный шторм, как в тот самый день...

Как только стемнело, покой обитателей соседнего городка был нарушен тревожными криками, доносящимися издалека. Выскочившие из домов люди сразу же увидели на самой верхушке маяка человека, превратившегося в горящий факел. Он вопил, как безумный, и отчаянно звал на помощь, махая руками на верхнем парапете сооружения.

Жителей городка отделяло от маяка около двухсот метров, и в темноте они не могли точно определить, действительно ли это Александр Райли. Самым ужасным было то, что им не удалось прийти ему на помощь. Море, бушующее под сильнейшими порывами ветра, перекрывало доступ к маяку по дороге среди скал. Добраться до маяка морским путем тоже было немыслимо. Пришлось ждать утра следующего дня, чтобы лицезреть ужасное состояние несчастного, «сгоревшего в ночи, словно он сам был маяком», по выражению одного свидетеля. Двум молодым и отважным полицейским удалось добраться до места события по немного успокоившемуся морю. Поднявшись на самый верх по винтовой лестнице, ведущей к фонарю маяка, они обнаружили, что входная дверь заперта снаружи, ключ еще торчал в замочной скважине, что таким образом исключало версию о несчастном случае: кто-то умышленно запер несчастного Райли! Они нашли обуглившиеся останки там, где он был замечен, то есть у края каменных перил, с внешней стороны будки с рефлектором. Но не удалось найти ни малейших следов убийцы в этом месте, отнюдь не предполагавшем возможности какого-либо укрытия. Следователи довольно легко определили причину смерти. Следы горячего были обнаружены на части карниза, у входа в комнатку смотрителя и на жертве. Таинственный злоумышленник,

судя по всему, обрызгал зрителя керосином. Бак с горючим, поддерживающим огонь маяка и его системы освещения, был найден в исправном состоянии, но не исключавшем возможности утечки легковоспламеняющейся жидкости, случайно подожженной окурком несчастного зрителя, который и правда был заядлым курильщиком. Единственные особые улики – три пустые бутылки из-под виски – найдены недалеко от жертвы. Всем известно, что Райли был не только заядлым курильщиком, но и большим любителем выпить, однако такое количество бутылок казалось чрезмерным для тех нескольких часов, которые он провел наверху.

Кроме того, полиция была более или менее осведомлена об этом событии анонимной запиской, сообщавшей о странном преступлении, которое должно было быть совершено в тот самый день. В полиции это сообщение получили утром в день убийства. Значит, предумышленное убийство совершено преступником, уверенным в своем деле, но, что особенно важно, умеющим плавать или летать. И действительно, *только существо с крыльями или чувствующее себя как рыба в бушующем море, было способно покинуть место преступления в момент его совершения*. Да и до этого маяк оставался недоступным после полудня, все свидетели утверждали: никто не смог бы проплыть или пройти по тропинке среди скал при разбушевавшемся море. После трагического события подходы к маяку находились под постоянным наблюдением нескольких свидетелей, а затем и полиции, ожидавшей первого затишья, чтобы добраться до места преступления. Другими словами, на протяжении восьми часов до и после смерти Райли *никто, абсолютно никто не смог бы добраться до этого места или покинуть его!*

Гипотеза об адской машине, действующей с помощью часового механизма, могла бы быть подкреплена какой-нибудь уликой, найденной на месте трагедии. Но там ничего не обнаружили. Кроме того, следствие показало, что жертва не была ни оглушена, ни связана, ни прикована. Следовательно, в момент возгорания она была свободна в своих действиях. У Александра Райли не было ни долгов, ни наследства, ни смертельных врагов. Он был одним из тех симпатичных старых холостяков, жизнерадостных и любивших поболтать, компанию которого ценили все. Мотив убийства оставался таким же таинственным, как и способ, которым действовал убийца.

Невольно я поделился с Оуэном своими соображениями о различных фактах этого дела. Когда я закончил, он изобразил забавную улыбку удовлетворения.

– Великолепное преступление, не так ли?

– Скажем, весьма удивительное...

– Удивительное? – воскликнул он. – Гораздо больше, чем удивительное! Потому что никакое разумное объяснение не может считаться удовлетворительным! Удивительное? Вы хотите сказать, невозможное, да? Это настоящее «невозможное» преступление!

Исключительно из духа противоречия я счел необходимым умерить его энтузиазм.

– Теоретически, да, – отозвался я, прочищая горло, – поскольку остается возможность самоубийства, такая же невероятная.

– Жертвоприношение огнем? Несчастный мог бы с большим успехом броситься с маяка! Вы забыли также о сообщении, отправленном в полицию! Такой способ самоубийства жесток сам по себе, а добавьте к этому громкие крики о помощи, это что, желание жертвы выдать суицид за убийство?! Лично я не знал этого храброго Райли, но, честно говоря, судя по описанию, плохо представляю, как можно организовать такую рискованную аферу! А затем, мой дорогой, вы забыли про ключ! Ключ, обнаруженный с внешней стороны двери, единственного выхода, ведущего на самый верх маяка. И здесь полная невозможность для Райли запереть самого себя снаружи, с другой стороны! Вы же сами сказали об этом!

Я молча согласился, проклиная себя за собственное легкомыслие. Исполненный непонятной радости, Оуэн яростно помешивал кочергой жар в камине:

– В самом деле, вы знаете, какое сообщение убийца отправил в полицию?

Я признался в своем неведении, уточнив, что об этом ничего не говорилось в прочитанной мной статье.

– Верно, – бросил Оуэн. – Пресса очень мало выяснила об этом деле. Теперь я знаю о нем больше, чем вы, получив справку от одного из моих друзей в полиции. Вот что там было: «АЛЕКСАНДР.А... БУДЕТ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ЖЕРТВОЙ ПЛАМЕНИ! ЭТИМ СМОЖЕТ ВОСХИЩАТЬСЯ ВЕСЬ МИР! ОН СТАНЕТ МАЯКОМ, СОЛНЦЕМ МОРЯ!» Обратите внимание на букву «А», вторую букву фамилии «Райли», но любопытно, что остальные буквы были заменены точками. Как бы то ни было, это сообщение оказалось слишком заумным для полицейских. Они практически не придали ему значения, думая, что имеют дело с каким-то любителем дурных шуток. По крайней мере до того момента, когда узнали об убийстве смотрителя маяка по имени Александр Райли. И стало очевидно, что они больше не могли сомневаться в смысле этих слов!

– ...«Жертва пламени», – повторил я, – не отрывая взгляда от яркого огня, трепетавшего в камине, и представляя последние мгновения несчастного. *«Он будет маяком, солнцем моря»*. Действительно, нет ни малейшего сомнения в смысле этого послания. Признаю, что это дело – одно из самых загадочных!

– Но это еще не все, – добавил Оуэн, улыбаясь. – Сообщение написано не на бумаге, а на холсте, натянутом на подрамник!

Подобно живописцу, таинственный отправитель начертал свое послание маслом на холсте, кистью, заглавными буквами! Теперь вы понимаете, почему я в определенных обстоятельствах позволяю себе говорить о художнике?

– Сообщение, начертанное на холсте? – воскликнул я, все больше удивляясь.

– И, пожалуйста, живопись совсем свежая! Кажется, констебль, открывавший тщательно упакованный пакет, измазал в краске все пальцы!

– Но ведь это... это, – бормотал я, не находя слов.

– Прекрасно!

– Нет, отвратительно!

Оуэн пожал плечами:

– Это вопрос точки зрения. Как бы то ни было, двумя неделями позже Скотленд-Ярд получил вторую «картину», на которой было начертано кистью: «МИСТЕР ...А. ПОГИБ-НЕТ ЗАВТРА ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ. СМЕРТЬ НАСТУПИТ ОТ СТРЕЛЫ, ПРИЛЕТЕВШЕЙ С НЕБА». Как и в предыдущем случае, живопись была еще свежа... и убийца выполнил свое обещание. Потому что, как вы знаете, мистер Томас погиб ранним утром следующего дня, в указанный час. Но позвольте мне напомнить вам обстоятельства этого убийства, может быть, еще более удивительного, чем убийство Александра Райли...

Глава 2

– Я спрашиваю себя, – вновь заговорил Оуэн, – не был ли убийца, совершая свое злодеяние, вдохновлен Талией...

– Талией? – осведомился я, – а кто это?

Погрузившись в созерцание статуэток на каминной доске, Оуэн внезапно повернулся ко мне с удивленным видом:

– Как, вы не знаете Талию?

– Одна из ваших знакомых, я полагаю? – рискнул предположить я, улыбнувшись и пытаясь смягчить его все более скептический и суровый взгляд, обращенный ко мне. – Одна из молодых и хорошеньких художниц, которыми вы восхищались, – как совершенством их произведений, так и их...

– Знаете, что в вас самое обаятельное, Ахилл? – снисходительно и насмешливо прервал меня он. – То, что вам удастся быть глупцом, говоря чистую правду. Талия – действительно прелестная молодая девушка, в сущности, художница, а значит, одна из моих подруг... Но вы совершенно не знаете, кто она, так ведь?

– Положим, так! – отозвался я, раздраженный его тоном и укоризненным взглядом. – Я не знаю, кто такая Талия, совершенно не знаю! Это преступление?

– Боже мой, Ахилл! – серьезно произнес он, опуская голову. – Смотрите... вот она. (Оуэн с усилием поднял руку, указывая на одну из статуэток.) Она держит маску и пастуший посох... Это муза, возглавляющая сельские маскарады и комедии, что и вызвало мое замечание по поводу этой блестящей «комедии» убийцы в сельском убранстве...

– Муза? – проговорил я, разглядывая Талию и ее соседок. – Но скажите, эти девять статуэток и есть девять муз, девять греческих богинь, вдохновляющих тех, кто занимается искусством?

Оуэн поднял голову, и я увидел его изменившееся лицо.

– Как? Вы не знали этого? Вы их не узнали?

– Хм-м... Нет... Вы мне об этом никогда не говорили!

Он что-то забормотал, еще больше расстроившись:

– И вы даже не замечали предметов, которые держат эти прелестные девушки? Флейту? Лиру? Глобус? Компас? Свитки папируса? Кифару?..

– Несомненно, замечал, но не пытался сопоставлять...

– Господи, – прошептал Оуэн, опускаясь в кресло. – Это невозможно... Сделайте хотя бы вид, что это неправда!.. – Закрыв глаза и запрокинув голову на спинку кресла, он продолжал умирающим голосом: – Как вы можете так поступать со мной, Ахилл? Вы, тот, кто считается моим другом... Не знать Талию... Нет, это слишком! Вы нанесли мне страшный удар! Будьте по крайней мере любезны, принесите мне мое успокоительное, иначе я упаду в обморок... Быстро!

Я исполнил его просьбу без возражений, привыкнув с самого начала нашего знакомства к доведенным до крайности комическим сценам моего друга. С тех пор, как на его жизнь было совершено покушение, исполненное с безупречным вкусом, – гармонично и изящно, Оуэн стал испытывать приступы недомогания, которое в зависимости от того, насколько серьезно он воспринимал то или иное событие, приводило порой к полной потере сознания. Часто этот недуг носил показной характер, но иногда, в особых случаях, одолевал его всерьез, как, например, несколько лет назад, при погребении королевы Виктории. Когда траурный кортеж следовал перед ним, Оуэн рухнул бесформенной массой в самом центре толпы торжественно застывших высокопоставленных чиновников. Когда он пришел в сознание, стоявшие рядом с ним ожидали от него объяснений в соответствии с глубокой скорбью, приличествующей событию,

но были сильно удивлены, услышав критику в адрес аранжировщиков траурных венков. Его поразило явное отсутствие гармонии при выборе цветов – настоящая провокация для людей, обладающих хорошим вкусом. Это и стало истинной причиной обморока. Надо ли говорить, как было воспринято подобное объяснение.

Я познакомился с Оуэном при сходных обстоятельствах и, воспользовавшись этим отступлением, открывая скобки, хотел бы поговорить о вашем покорном слуге, который в то время только что оставил родную Южную Африку, чтобы поселиться в метрополии. Обеспеченный хорошим наследством, я был озабочен тем же, чем и Оуэн, хотя, конечно, в меньшей степени. Даже сегодня не знаю, к чему я стремился, но после нескольких бесплодных попыток в различных областях искусства, продвигаясь от меценатства к практической деятельности в определенной сфере, я завершил свои поиски и метания в дирекции предприятия по производству художественной посуды в Веджвуде, который расположился на холмах Котсуолдса, что меня вполне устроило. По долгу службы мне приходилось часто бывать в Лондоне, где на досуге я регулярно встречался с Оуэном, который тогда делил свое время между детективными расследованиями – частными или по срочному заказу из Скотленд-Ярда – и неожиданно приобретенным им ремеслом искусствоведа.

С нашей первой встречи – упомянутого выше зловещего дела, изложенного мною в *«Короле беспорядка»*, прошло около двенадцати лет, и за это время я смог убедиться в необыкновенных дедуктивных способностях Оуэна Бернса. Ему удалось разоблачить убийцу, обладавшего невероятным умением ходить по снегу, не оставляя никаких следов! Это было время, богатое событиями, начиная с трагической англо-бурской войны, запуска первого электрического трамвая и восшествия на престол короля Эдуарда. Было, конечно, и множество расследований, блестяще проведенных моим другом при скромном содействии вашего покорного слуги, который на этом заканчивает свое отступление, закрывая скобки, чтобы вернуться к милой сердцу нашего эстета Талии.

Я принес ему коньяк Фин Шампань, и после нескольких неуверенных глотков Оуэн начал приходить в себя:

– Я вас расспрошу, Ахилл, когда мы с вами увидимся в следующий раз, – сказал он, подходя к камину. – А вы проявите интерес и узнаете все о Талии и ее восьми сестрах, которых зовут Клио, Каллиопа, Мельпомена, Эвтерпа, Терпсихора, Эрато, Полигимния и Урания. Уверен, ваши рабочие из Веджвуда знают их лучше вас, изображая этих богинь на вещах, которые вы продаете. Откровенно говоря, что же вы собой представляете? И куда мы катимся? Образованная чернь и невежественные аристократы? Учтите, я говорю так для вашего же блага...

– За ваше человеколюбие, – ответил я, поднимая свой бокал, прежде чем опустошить его одним глотком.

Оуэн, улыбаясь, повернулся ко мне. Отблески пламени в камине веселыми искорками играли в его глазах.

– Прекрасно, Ахилл, вы снова становитесь самим собой. Теперь мы сможем продолжить нашу интересную беседу. Значит, я говорил, что муза комедии и сельских маскарадов, несомненно, вдохновила нашего художника, потому что он поставил свою зловещую комедию на свежем воздухе, среди первых весенних цветов. Прекрасная интерпретация, тем более замечательная, что наш актер блистал своим отсутствием, хотя его присутствие было официально доказано.

При этих словах он встал, в задумчивости прошелся перед камином, а затем проговорил:

– Это было две недели назад. На сей раз наученная горьким опытом полиция приняла всерьез присланную им картину. Но, очевидно, это «МИСТЕР ...А. ПОГИБНЕТ ЗАВТРА ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ. СМЕРТЬ НАСТУПИТ ОТ СТРЕЛЫ, ПРИЛЕТЕВШЕЙ С НЕБА» оставалось слишком неясным. Наши выдающиеся ищейки терпеливо ждали несколько часов, пока не узнали о странной смерти сэра Томаса Боуринга, он же «мистер ...А.». Таковы факты.

Сэр Томас Боуринг, пятидесятилетний, достаточно спортивный мужчина, имел привычку тренироваться в стрельбе из лука с несколькими друзьями на большом лугу неподалеку от дворца Хэмптон-Корт. В то утро они находились там, выполняя программу обычных для них соревнований. Двенадцать человек стреляли по трем крупным целям, расположенным приблизительно в тридцати метрах к северу, недалеко от старого дуба без листьев, с обрезанной верхушкой, который служил крупным ориентиром для самых плохих стрелков. Погода была достаточно благоприятной. Легкий туман виднелся на горизонте, но постепенно рассеивался под лучами весеннего солнца. Через полчаса, когда соревнование было в полном разгаре, один из стрелков удостоился от своих соперников аплодисментов после мастерского выстрела. Именно в этот момент сэр Томас громко вскрикнул, пошатнулся и упал... со стрелой в спине! Смертельный выстрел, чуть ниже затылка. Распростершись на животе, он напрягся в последней конвульсии. Его товарищи сразу же заметили удивительную деталь: смертоносная стрела была выпущена не из лука, это была стрела арбалета с характерным фаянсовым наконечником. Но, глубоко вонзившись в спину несчастного, наконечник не был виден. Не вдаваясь в детали, надо сказать, что с технической точки зрения невозможно запустить такую стрелу из лука, по крайней мере с достаточной точностью или мощностью, необходимой для убийства.

– И это устраняет версию случайной или преднамеренной стрельбы со стороны одного из его товарищей, – заметил я машинально.

– Абсолютно. Но таким образом, эта возможность была отвергнута сразу в качестве действия со стороны, но не могла не быть принятой во внимание со стороны других стрелков. Они все стояли группами, аплодируя тому, кому только что удался главный выстрел в завершение блестящей серии. Сэр Томас находился чуть в стороне, юго-западнее остальных, но едва ли больше чем в пяти-шести метрах от них. Кроме того, положение жертвы и ее падение вперед, к северной цели, так же как и положение орудия убийства, ясно указывали, что стрела была выпущена за спиной сэра Томаса и, значит, летела прямо с юга. Впрочем, все стрелки тоже стояли спиной к убийце. Следовательно, сэр Томас находился слегка в стороне, и они ничего не могли видеть. Но самым удивительным оказалось то, что среди них не было никого постороннего! *Вообще не было видно никого на расстоянии трехсот метров!* Ведь именно такое расстояние отделяло их от живой изгороди, окаймлявшей этот огромный квадратный луг. Была туманная дымка, но не такая, чтобы серьезно уменьшить поле видимости. Конечно, было три цели, старый дуб без листвы и чуть подальше два-три куста, которые могли бы стать укрытием для таинственного лучника-арбалетчика, но эти объекты находились в направлении, диаметрально противоположном смертельному выстрелу! Кроме того, поочередно отправляясь в ту сторону, чтобы собрать выпущенные стрелы, ни один из лучников не видел никого, даже подозрительной тени.

– Но эта стрела все-таки не прилетела сама по себе!

– Очевидно, стрелок-убийца мог находиться только за живой изгородью. Оттуда после выстрела ему было легко исчезнуть никем не замеченным. Но стрельба с такого расстояния предполагала абсолютно экстраординарную, почти чудодейственную меткость, достойную легендарного Робин Гуда. Все специалисты согласны с этим. А мог ли таинственный лучник целиться в группу, а не в сэра Томаса? Мог ли он тогда попасть в него случайно? В это можно было бы поверить, как и в то, что стрела вонзилась в спину жертвы под углом, она прилетела откуда-то сверху, как будто с колокольни, расположенной достаточно далеко.

– «Смерть наступит от стрелы, прилетевшей с неба», – серьезно произнес я. – Убийца был точен в своем сообщении.

Оуэн стоял, устремив взгляд на огонь.

– Действительно. И такая точность подтверждает, что это именно убийство. Стрела из арбалета попала туда, куда и предусмотрел этот *Deus ex machine*, и она прилетела «с неба», что подтверждает ее наклон. Более того, фамилия или имя из пяти букв, следовавшее после слова

«МИСТЕР» с единственной буквой А на четвертом месте, среди присутствовавших стрелков соответствует только имени Томас. Иначе говоря, сэр Томас Боуринг, несомненно, был избранной жертвой. Убийца стрелял не просто в толпу.

– Таким образом, в итоге получается следующее: известно, что был преступник, приблизительно известно, где он находился, известно также, из чего он стрелял, но мы не в состоянии объяснить такую точность его выстрела...

– Здесь все просто, – сказал Оуэн, приложив палец к губам, – полиция, естественно, проконсультировалась с самыми заслуженными стрелками из арбалета, которые единодушно согласились: столь меткий выстрел с большого расстояния показывает, что действовал исключительный стрелок. Такое попадание возможно в одном случае из ста...

Стук дождя по стеклам прекратился, и в комнате стало тихо.

– В самом деле, – заметил я, – ведь речь идет не о невозможности, а о малой вероятности!

– В таком контексте случившееся граничит с чудом или это оно и есть. Согласитесь, Ахилл, поставлена очень трудная задача даже для такого выдающегося логика, как я.

Я посмотрел на Оуэна, но его лицо не выдавало ни малейшего сомнения в истинности данного утверждения.

– А что об этом думают в Скотленд-Ярде? – спросил я.

– Они толкут воду в ступе, разумеется. А вы хотите, чтобы было по-другому, если даже я признаю себя неспособным найти решение?! Кстати, а вы знаете, что это сложное дело доверили моему старому другу, инспектору Уэдекинду? Да еще и дело об убийстве на маяке, потому что наши ищейки поняли: у этих двух преступлений один и тот же почерк. Имеются две-три детали, о которых я вам не рассказывал, – например, монета, обнаруженная в пальцах мертвого лучника. Но, заметьте, не обычная монета, а коллекционная, древнеримская, на которой изображен храм...

Факт, без сомнения, удивительный, но тон, каким мой друг поведал о нем, ясно свидетельствовал: он уже сделал вывод о том, чего я пока не понимал.

Соединив кисти рук, как при молитве, Оуэн снова заговорил, глядя прямо мне в глаза:

– «МИСТЕР ...А.», убитый стрелой в спину, держал в руке монету с изображением античного храма. Вам это ни о чем не говорит?

Стараясь спокойно выдержать тяжелый взгляд моего друга, я попытался придать смысл этой улике. Но напрасно. Я отрицательно покачал головой.

– И, судя по всему, Александр Райли, сгоревший, как факел, на своем маяке, «словно он сам был маяком», тоже ни о чем вам не говорит?

Я начал сердиться. Конечно, я знал, что мой друг обожал загадочные слова и витиеватые фразы, которыми наслаждался, видя отчаяние своих друзей перед делом, в котором он уже разобрался, и давно к этому привык. Но есть пределы всему, а он явно только что перешел их. Его слова не имели никакого смысла для простых смертных. Очень сухо я попросил Оуэна растолковать эти загадки.

Перед тем как ответить, он озабоченно кашлянул:

– Возможно, в данном случае мое обостренное чувство прекрасного позволяет мне видеть Искусство там, где его нет. Но, впрочем, я думаю, что опасность, подстерегающая эстета, – это слишком возвышенное видение красоты. Пятая сущность, невидимая и ощущаемая только поэтом... Растолковать вам загадки, Ахилл? Я бы очень этого хотел! Знаете, как я страдаю, видя ваше неведение. Мой верный друг, я разделяю ваше глубокое раздражение перед этими загадками, но не могу рисковать потерей плодов ваших размышлений, вашего анализа, пусть и наивного, но часто более реалистичного, чем рассуждения поэта. Излагая свою точку зрения, я начисто разобью пристрастность вашего суждения, чего мне хотелось бы любой ценой избежать. Я очень ценю ваши неожиданные замечания, и вы это прекрасно знаете!

In petto¹ я перевел это так: «Вы говорите невесть что, но это иногда помогает мне сосредоточиться».

– И признаюсь, – продолжал он, – несмотря на удивительные совпадения дел, которые я сейчас продемонстрировал, думаю, что заблуждаюсь, так как в действительности это было бы... *слишком прекрасно!* Да, я скорее всего ошибаюсь, поскольку невозможно представить себе подобное совершенство! Ах! Это заставляет меня думать об одной последней подробности, о которой вы, несомненно, не знаете. Незадолго до того, как сэр Томас упал, свидетель ясно видел *блестящую вспышку в небе!* И это не видение, потому что другой лучник тоже видел нечто подобное, но он говорил о *капле золота, упавшей с неба...*

– А почему не золотой дождь, – огрызнулся я, думая о дожде, который поливал столицу с самого утра.

Во взгляде Оуэна промелькнуло восхищение.

– Золотой дождь... – мечтательно повторил он. – Хорошее замечание, друг мой, отражающее определенные чувства свидетелей. Прекрасная картина, вызывающая в памяти тот золотой дождь, в который превратился Зевс, чтобы утешить бедную Данаю, запертую ее отцом в бронзовой башне... Прекрасная картина, но в данном случае дождь был смертоносным.

– Вы не собираетесь отметить, что стрела арбалета была изготовлена из блестящего металла, похожего на золото, но из сплава, неизвестного науке?..

– Конечно! Но все-таки, Ахилл, почему такой едкий тон? Ведь я же не виноват в этих странных событиях! И моя ли это ошибка, если свидетели видели золотые вспышки в небе? Впрочем, этому можно найти несколько объяснений! Простая игра света вследствие солнечных бликов в тумане – своего рода эффект радуги. Радуга, арка в небе, как лук, говорите вы? Значит, убийцей мог быть только ангел! Кто стреляет позолоченными стрелами, понятно без слов!

Почему вы все обращаете в насмешку, дорогой друг? Почему насмехаетесь над событиями, подтвержденными десятком честных свидетелей? И не улавливаете ли вы поэзию в этом убийстве? Попробуйте же видеть вещи в оптимистичном свете, закрыв глаза и представив себе прекрасную картину: большой зеленый луг, усеянный маргаритками – первыми весенними цветами, солнце, улыбающееся в небе, и легкий туман для художественной дымки... Можно начинать «сельский маскарад» Талии! Стрелки занимают свои позиции... А затем в качестве кульминации праздника Зевс проливает золотой дождь... Но в этот раз он приносит не жизнь, как было при зачатии Персея, а посылает небесную стрелу своего гнева. Сэр Томас падает и больше не поднимается. Он мертв. Убитый «небесным луком», как вы точно заметили. Это ли не великолепное преступление, Ахилл? Идеальное преступление, настоящее чудо жанра!

Я сдержанно согласился, соответственно его своеобразному видению. Кроме того, я обратил внимание Оуэна, что каким бы замечательным ни было это убийство, равно как и предыдущее, оба они остаются совершенно необъяснимыми.

– Тайна продолжается, как и этот проклятый дождь, – добавил я, повернувшись к окну. – И я сейчас отправлюсь навстречу ему.

– Но не собираетесь же вы идти пешком, друг мой? – воскликнул Оуэн. – Возьмите фиакр...

Я посмотрел на красивые фаянсовые часы, стоявшие на буфете, которые показывали чуть больше десяти. В это время на улице – ни души...

Но тут послышался звон фиакра, остановившегося у нашего дома. А затем лошадиное ржание и звук голосов.

– Кто бы это мог быть? – бросил Оуэн, проворно подойдя к окну. Я встал рядом, но за пеленой дождя мы увидели только тени. При слабом свете газового рожка было видно, как фиакр быстро удалился, а силуэт на улице поспешил укрыться от дождя.

¹ В душе (*итал.*).

Мы снова сели в кресла, но не успели устроиться, как на лестнице послышались шаги.

– Мне кажется, это к вам, – сказал я моему другу, в то время как он, сдвинув брови, посмотрел на часы.

И действительно, через несколько секунд у входа раздался звонок. Оуэн пошел открывать дверь и вернулся в сопровождении промокшего под дождем посетителя, которого я сразу узнал, несмотря на котелок, надвинутый на глаза. Это был инспектор Джон Уэдекинд из Скотленд-Ярда.

Разбойничьи усы придавали ему мрачный и суровый вид, а мокрая одежда была в полном беспорядке. Его неожиданный приезд в этот час не предвещал ничего хорошего.

– Теперь уже третий! – резко начал он, снимая шляпу. – Новое убийство, совершенно безумное, еще более ошеломительное, чем два предыдущих!

Глава 3

– Мерзкий день! – выругался полицейский, удобно устроившись перед камином. – Я провел почти весь вечер под дождем в ожидании осведомителей, которые даже не появились! А какой ливень! Достаточно пяти минут, чтобы превратиться в губку!

Я согласился с ним и высказал собственные замечания метеорологического характера. Мой друг молчал, с большим трудом сдерживая нетерпение. Сложив руки у рта, он играл желваками, застыв в возбужденном ожидании.

В отличие от него, Уэдекинд не находил удовольствия в многословии, для того чтобы подготовить эффектное выступление. Вид у него был усталый и довольно расстроенный после тяжелого дня, и он не торопился рассказывать подробности, хотя это и было главной целью его визита. Пламя очага подчеркивало резкие черты пятидесятилетнего человека, который со своей черной бородой и густыми бровями был похож на древнего германского воина, утомленного после длинного и трудного паломничества в далекие земли.

– Мерзкая погода, – повторил он, – и мерзкое дело, случившееся несколько дней назад. – Он поднял мрачный взгляд на Оуэна: – На этот раз мы долго медлили, пока определились, к какому именно делу относится сообщение, полученное в начале недели...

– Сообщение написано на холсте, подобно картине, я полагаю? – поинтересовался Оуэн. Уэдекинд кивнул.

– «Картина» была прислана примерно за сутки до преступления, как и в прошлые разы, уже из другого почтового отделения, но тоже из Лондона. Расследование этой стороны дела не дало ничего определенного. В деле сэра Томаса по описанию почтового служащего выяснилось, что пакет на почту принес какой-то мальчик. Но есть все основания думать, что это был просто посыльный, которому заплатили.

Оуэн пожал плечами:

– Это было очевидно. Художник пишет картину, он не курьер. Но что же там написано на сей раз?

Уэдекинд вытащил из жилетного кармана записную книжку, открыл ее и вынул листок, на котором мы смогли прочитать:

«МИСС МАРИ СТАНЕТ КОРОЛЕВОЙ ЗАВТРА ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ, КОГДА ДНЕВНОЕ СВЕТИЛО ПОКРОЕТСЯ ДЫМКОЙ».

Наступила тишина. Оуэн задумался и едва заметно улыбнулся, с видом знатока оценивая загадочный текст.

– Самое меньшее, что можно сказать, – вздохнул полицейский, – это то, что текст не слишком красноречив. И нам понадобилось целых два дня, пока мы не установили связь между этой запиской и несчастным случаем, происшедшим в Кенте...

– Мисс Мари? Вы уверены, что точно воспроизвели фразу, начертанную кистью? Не было ли там точек взамен отсутствующих букв?

– Нет, в этом не было необходимости. Жертвой оказалась барышня изрядного возраста, которую звали Мари Домон.

– В случае Александра Райли буква «А» стояла между точками, – отозвался Оуэн. – В этом тоже не было необходимости... Но такие детали мало что дают в данный момент. Факты, инспектор, перейдем к фактам!

– Пусть будет так! – ответил полицейский, глубоко вздохнув. – Кончину Мари Домон сначала приняли за один из тех глупых несчастных случаев, которые происходят каждый день. Смерть наступила из-за того, что ей на голову упал большой цветочный горшок. Полиция Тонбриджа, места, где это произошло, не приняла всерьез заявление двух свидетелей, поскольку оно показалось чересчур экстравагантным из-за их возраста. Надо сказать, что мистеру Вогту и

мистеру Джоберу на двоих более ста пятидесяти лет, но они далеки от старческого слабоумия, я их допрашивал и вчера вечером, и сегодня утром.

Уэдекинд просмотрел свои записи, немного подумал, а затем перевел взгляд на окно:

– Три дня назад погода еще была достаточно милосердна к нам: в Тонбридже вовсю сияло солнце. Около двух часов дня мистер Вогт и мистер Джобер прогуливались в городском парке. Это достаточно малолюдное место. В центре парка возвышается арка, простое архитектурное сооружение из кирпича, верхняя часть которого украшена цветами в горшках. Гравийная дорожка, пересекающая лужайку, проходит под довольно высоким сводом арки, который поддерживают две толстые, квадратные в сечении опоры – их ширина равна ширине прохода.

Наши свидетели увидели на скамейке возле лужайки двух дам. Мистер Вогт подумал, что это вдовы, так как обе были в черных платьях, но мистер Джобер заметил на более высокой очаровательную шляпку, украшенную яркими цветами. Это и была мисс Мари Домон, но тогда он еще не знал ее имени. Они не обратили на дам особого внимания и продолжили свою прогулку. Немного позже они встретили даму в шляпке на дорожке. Мисс Мари, остановившаяся в нескольких метрах от арки, как будто была чем-то обеспокоена и устремила взгляд наверх. Два друга, заинтригованные этим, спросили даму о причине ее беспокойства. На что мисс Мари нерешительно ответила: «Я боюсь проходить под аркой... Я видела тень на солнце». «Тень на солнце? – удивился мистер Вогт. – Вы имеете в виду облако?» Однако он прекрасно видел, что в этот момент на небе не было ни облачка. «Нет, я заметила тень наверху, на балконе... Она на мгновение закрыла солнце... Это была женщина, очень красивая... в старинном королевском наряде... Но она хочет причинить мне зло... Я боюсь проходить под аркой...»

Двое мужчин постарались успокоить мисс Мари Домон и наконец убедили ее, что никакой опасности нет. Они сочли, что ее недомогание вызвано жарой. Поэтому мистер Джобер посоветовал мисс Мари немного посидеть на скамейке, но мистер Вогт, напротив, предложил ей спокойно продолжить свой путь, то есть пройти под аркой, чтобы убедиться в полной безопасности.

Мисс Мари остановилась в нерешительности, а мужчины попрощались с ней и продолжили свой путь. Через несколько мгновений за их спиной раздался крик. Они сразу же вернулись обратно и увидели, что большой цветочный горшок упал с верхней части арки и разбился о голову несчастной Мари, которая попыталась уклониться, но слишком поздно. Она вскрикнула еще раз и упала на землю. Двое свидетелей сразу же начали осматривать окрестности, и им удалось охватить всю сцену целиком. Вокруг не было никого, абсолютно никого, кроме них. Никого не оказалось и на «балконе» арки. Подруга мисс Мари поднялась со скамейки и, быстро пройдя лужайку, присоединилась к мужчинам. Не медля ни секунды, оба свидетеля поспешили к арке. Но на расстоянии метров двадцати, отделявших их от жертвы, они убедились в ее агонии. Красивая соломенная шляпка, увенчивавшая голову Мари, не смогла предохранить ее от удара цветочного горшка, разбившегося на две части: земля высыпалась на дорожку и смешалась с цветами и несколькими кирпичами, упавшими вместе с горшком. Несчастной еще удалось произнести несколько слов, но они оказались неразборчивыми для свидетелей за исключением слов «королева» и «балкон». Тем временем подруга подошла к мисс Мари. Мертвенно-бледная и дрожащая, она склонилась над ней и поняла, что мгновения бедняжки сочтены. Подруга начала рыдать, а Джобер и Вогт отправились осматривать местность, скрытую за опорами арки. Вероятный злоумышленник мог находиться там или же на самом верху арки, где был «балкон», скрытый среди других цветочных горшков, что, впрочем, было маловероятно. После коротких и безрезультатных поисков мужчины вернулись к несчастной подруге мисс Мари, которая резко вскрикнула, увидев, что пострадавшая больше не двигается. Пока Вогт ходил сообщить полиции о происшествии, Джобер, врач на пенсии, констатировал, что несчастная только что скончалась. Под ее шляпкой он обнаружил смертельную рану на виске, откуда стекала струйка крови, «ярко-красная, как цветок на шляпке», по выра-

жению самого Джобера. Он стал расспрашивать подругу уснувшей, которая сказала ему, что сразу после полудня Мари начала сильно нервничать, как будто опасаясь чего-то. Несколько раз она спрашивала, не видела ли подруга «тень» на солнце.

– Вот и все факты, – ворчливо закончил Уэдекинд. – Читая отчет, представленный констеблем, прибывшим на место происшествия, видишь, как мало доверия он испытывал к двум свидетелям; в нем говорилось о весьма приблизительной интерпретации события с их стороны. Тем не менее полицейский взял на себя труд принести лестницу, чтобы обследовать верхнюю часть арки. Отсутствие следов и двух плохо державшихся кирпичей укрепили его в мнении, что это обычный несчастный случай. И, честно говоря, констебля трудно упрекнуть в том, что он не принял всерьез историю с тенью на солнце или с королевой мщения! Что до нас – это совсем другое дело...

Полицейский взял сигару, которую предложил ему Оуэн, казавшийся очень озабоченным.

– Прежде чем услышать ваше мнение, Бернс, – проговорил Уэдекинд, – позвольте представить вам последние данные. Я узнал об этом происшествии вчера после обеда. Сначала меня заинтриговало имя жертвы – Мари, затем дата и время дня, которые совпадали с указанными в послании, и таким образом уже не оставалось ни малейшего сомнения в правдивости странных обстоятельств события. Ранним утром я сел в первый же поезд, идущий в Тонбридж, чтобы осмотреть место преступления. Затем поговорил с Вогтом и Джобером. Оба они люди весьма преклонного возраста, носят очки, и зрение у них не слишком острое. Однако мне оно показалось достаточным, чтобы их показания можно было принять всерьез. Оба признавали, что кто-нибудь мог в случае необходимости, до падения большого горшка, ловко обойти одну из опор арки, избегая их взглядов. И все-таки, кроме трех свидетелей и жертвы, там не было никого! Никого не было и на лужайке, и на арке с цветами! Я сам лично все осмотрел и могу подтвердить, что наверху очень трудно спрятаться!

– А вы расспрашивали подругу жертвы? Со скамейки, где она сидела, был хороший обзор всей сцены происшествия.

– К сожалению, нет, – проворчал Уэдекинд. – Этот идиот полицейский настолько пренебрежительно отнесся к делу, что, кажется, забыл записать ее фамилию и адрес! Но мы ее быстро найдем... В любом случае, она и Джобер оставались рядом с жертвой до появления полиции и зевак. Короче говоря, убийца мог улизнуть, только растворившись в воздухе...

– Превосходно! – внезапно бросил Оуэн, долго хранивший молчание. – Это большое искусство! Мы должны склонить голову перед такой виртуозностью!

– Вы хотите сказать, – забеспокоился Уэдекинд, – что признаете себя побежденным?

– Вовсе нет! Я просто говорю, что надо признать талант художника, в данном случае – виртуоза преступления. Вы правильно сделали, что пришли ко мне, Уэдекинд. И я полагаю, вы просите моей помощи, не так ли?

Во взгляде полицейского промелькнул оттенок лукавства:

– Признайтесь, что вы бы косо смотрели на все мои действия в данном расследовании. Впрочем, мы уже об этом говорили, но сейчас я действительно думаю, что эта серия убийств совершена по одной схеме и требует такого эксперта, как вы...

– Разумеется! – одобрил Оуэн, водя пальцем по грациозным линиям тела одной из муз. – И вы правы также, говоря о серии убийств, поскольку есть риск, что она продолжится, если мы не положим этому конец...

– Точно... – вздохнул инспектор, – и я очень боюсь, что начиная с завтрашнего дня пресса примется за эти преступления, не имея деталей. Хотя пока нам кое-как удалось заставить их молчать, но после третьего убийства это будет невозможно. Вряд ли стоит упоминать, что чем раньше мы остановим убийцу, тем лучше будет для всех.

Я прочитал в красноречивом взгляде Оуэна: «И особенно для вас, инспектор!» – но он громко заметил, рассудив, без сомнения, что это было бы слишком просто:

– В первую очередь нам следует рассматривать последнее убийство эмоционально, с точки зрения художника, чтобы ощутить всю его красоту.

Вам объявили, что некая мисс Мари станет королевой на следующий день после полудня, когда дневное светило покроется дымкой. И именно в это самое время мисс Мари заметила тень на солнце, где-то на верху арки, среди цветов. Она говорила о королеве, королеве в старинном наряде, которая, кажется, хочет причинить ей зло. Через несколько мгновений она оказалась на земле, среди все тех же цветов, с черепом, проломленным большим горшком, упавшим с «балкона». В данный момент она могла бы быть королевой, пусть и застывшей в смерти. Такая форма посмертной передачи власти от другой, мстительной королевы, которая только что исполнила свою угрозу, сбросив на нее...

Оуэн на мгновение прервал свою речь, подыскивая подходящее слово, уточняющее его мысль. И я увидел, как засияло его лицо, когда он добавил:

– ...*Сад*. Да, можно сказать, что на нее низвергли сад. Это более поэтично, чем цветочный горшок, не так ли? – сказал он, адресуя нам улыбку сфинкса. Хорошо... Я вижу, что для вас это китайская грамота. В чисто практическом плане отсутствие убийцы может означать только несчастный случай, вызванный тем, что в какой-то момент несколько плохо скрепленных кирпичей отвалились под тяжестью горшка, упавшего вслед за этими кирпичами. Кроме того, и смерть сэра Томаса не может быть объяснена по-другому. Смертоносная стрела могла попасть в него, промахнувшись мимо цели, а значит, это тоже несчастный случай. С Александром Райли все было немного по-другому, так как запертая снаружи дверь трудно согласуется со случайностью. Но это другой вопрос, который доказывает, что мы имеем дело с настоящими убийствами, задуманными, подготовленными и совершенными одним преступником, имеющим хороший вкус и пристрастие предупреждать полицию за сутки до своих злодеяний, посылая ей... *картины!*

Уэдекинд и я машинально вместе посмотрели на прекрасное полотно, украшавшее гостиную Оуэна и изображавшее английский деревенский пейзаж. Настоящий Констебл, по мнению моего друга, в чем лично я сомневаюсь. Как бы то ни было, эта буколическая картина могла только по контрасту подчеркнуть трагический и необычный характер совершенных преступлений.

– Есть очевидная связь между этими картинами и убийствами, – сказал Оуэн, подходя к большому полотну, чтобы лучше рассмотреть его.

– И в чем она заключается? – с интересом спросил Уэдекинд.

– Тщательность, приданная произведению на заключительном этапе работы над ним. Подумайте об аккуратности и терпении художника при каждом мазке кисти, каждой подрисовке, чтобы добиться такого чуда... Часы терпения, наблюдений, размышлений и большой талант, чтобы *это чудо* сотворить!

– Чудо третьего преступления в данном случае! – воскликнул я, чтобы положить конец раздражающей меня комедии.

– Да, Ахилл! Это «чудо преступления»! И, как всегда, вы попали в цель, сами того не осознавая!

Я сильно подозревал, что инспектор Уэдекинд сторал от желания залепить пощечину экстравагантному детективу. Но полицейский слишком хорошо знал ему цену, чтобы рисковать и, возможно, окончательно лишиться его неоценимой помощи. Теребя густые усы, он спокойно произнес:

– Мне кажется, я понимаю, что вы хотите сказать... Вы считаете, что мы пойдем по следам убийцы, совершающего только безупречные преступления при художественном видении мотива каждого преступления!

– Точно! – ответил Оуэн с явным удовлетворением. – Конечная цель этих убийств не что иное, как поиски Прекрасного...

Глава 4

Была уже ночь, когда наш фиакр остановился в каком-то гнусном месте Спиталфилдса. Редкие газовые рожки бросали слабый свет на вязкую дорогу. На этой улочке, освещаемой также окнами таверны, передвигалась сомнительная, но веселая публика. Громкий смех моряков перемежался хихиканьем женщин легкого поведения, вызывающие наряды которых выделялись в потемках.

Я даже не догадывался о причинах, приведших нас в это место, но не сомневался в их настоящей необходимости, поскольку не был завсегдатаем таких уголков. И, полагаю, Оуэн тоже. Но мы оказались здесь, конечно, по его желанию, повинуюсь которому и я последовал сюда.

Соответственно случаю, мой друг надел клетчатый спортивный костюм и каскетку с двойным козырьком. Его одежда выглядела такой новой, что казалась странной для этого места. На мне было поношенное пальто и кепка с козырьком, надвинутым на лоб из опасения, что меня кто-нибудь узнает в этом гибельном месте!

– Оуэн, – начал я, поворачиваясь к нему, – не объясните ли вы мне, почему...

Напрасный труд. Он только что выпрыгнул из фиакра и расплачивался с кучером, оставив ему, как обычно, довольно крупные чаевые, то ли неосознанно, то ли в качестве вызова.

И пока экипаж удалялся мелкой рысью, я сказал ему об этом.

– Следуйте за мной, – бросил он вместо ответа, быстро направляясь вперед.

Но едва мы сделали несколько шагов, как довольно хорошенькая представительница слабого пола окликнула его. У нее было свежее личико и прелестный задорный носик под элегантной шляпкой с перьями, красные ботинки в тон одежде, но вульгарный выговор разрушил все обаяние красотки, по крайней мере для меня.

– Эй, красавчик! Как насчет небольшой поездки в рай с самой красивой девушкой квартала?

– С самой красивой девушкой в мире, мадемуазель, – поправил Оуэн, почтительно кланяясь.

Глаза жрицы продажной любви округлились от восхищенного удивления.

– Господин льстит мне! Мне нравятся такие парни, как ты, понимаешь!

– Понимаю. Но я, увы, мадемуазель, самый большой шут в Лондоне, – сказал он, помахав рукой и уходя.

Нас проводил град ругательств, а я продолжил:

– *В мире*, Оуэн! Вы самый большой шут в мире, чтобы так играть своей жизнью. И, в конце концов, вы совершенно безрассудны. Мы же не на Риджент-стрит, где хорошо воспитанные люди сделают вид, что оценили ваше паясничество!

Он размашисто шагал, великолепно игнорируя меня. Торопливо следуя за ним, я продолжал приставать к нему в том же духе, подчеркивая неуместность нашего присутствия здесь, различие между этим миром и нашим...

– Вы так думаете? – бросил Оуэн, внезапно прерывая молчание, пока мы углублялись в лабиринт улочек. – Посмотрите туда, в тот задний двор, на герб на дверцах фиакра, который, несомненно, не принадлежит грузчику из этого закоулка, не так ли? И если хорошенько взглянуть в окна вон той таверны, например, можно заметить несколько цилиндров, которые, разумеется, не носят те же грузчики.

– Да, – неохотно признал я, – но сейчас мы уже в другом районе. Мы прошли в сторону запада и...

– Оставьте вашу отвратительную привычку ко всему придирааться, Ахилл. Это тягостно и совершенно неконструктивно. Почему мы здесь? Конечно, из-за нашего расследования! А

могло ли быть по-другому? Настало время зайти в один паб, где нам будет удобно дискутировать, и я вам все объясню.

Желая успокоиться, я стал размышлять о трудностях дознания инспектора Уэдекинда. Прошла неделя со времени его ночного визита, когда он сообщил нам о третьем серийном преступлении. Естественно, представителя Скотленд-Ярда не вполне удовлетворила версия Оуэна о мотивациях убийцы. «Убивать из любви к искусству, конечно, возможно, но это намного уместнее в романе, нежели в действительности», – ответил он. Логика заставляла разделить его мнение, хотя наблюдения Оуэна казались мне обоснованными. В любом случае, вопрос мотивации оставался нерешенным, а гибель трех жертв стала предметом тщательного расследования. Умозрительно дело сэра Томаса казалось самым интересным из трех: по своему положению он, кажется, имел наибольшее число потенциальных врагов. Впрочем, Оуэн вел аккуратное расследование среди его окружения. По делу Александра Райли поначалу не было ничего нового и особенного. По поводу мисс Домон, которая была по происхождению француженкой, на что указывало ее имя, выяснилось, что она жила одна в Тонбридже, где работала в магазине готовой одежды, была натурой скрытной и имела мало друзей. Уэдекинду так и не удалось найти следов подружки, которая сопровождала ее в тот роковой день. Из родни у мисс Домон был только брат, намного моложе ее, который жил на севере Англии и редко виделся с сестрой.

По-видимому, трех жертв ничего не связывало, но два дня назад к нам пришел Уэдекинд и радостно доложил: «Александр Райли и Мари Домон, возможно, знали друг друга, так как оба родились в Плимуте и провели там большую часть своей молодости! Оба они были примерно одного возраста, чуть больше пятидесяти!»

Что касается сэра Томаса, к сожалению, все свидетельствовало о том, что он никогда в Плимуте не бывал, по крайней мере в то время.

Несмотря на это препятствие, инспектор оставался оптимистом и чувствовал, что он на верном пути: «Александр Райли и Мари Домон могли знать сэра Томаса в другое время, и расследование это выявит. Сейчас важно установить саму связь, а затем мы сможем заняться ее характером!»

Мы не получили других новостей от инспектора, кроме этих обнадеживающих слов, к которым Оуэн не добавил практически никакого комментария. С другой стороны, как и предвидел Уэдекинд, пресса действительно начала интересоваться любопытной серией убийств. Несколько статей подчеркивали странное сходство между тремя убийствами, совершенными, по всей видимости, одним и тем же преступником. Собирается ли убийца продолжить серию? Считали, что скорее всего нет... Пока я предавался этим размышлениям, мой друг остановился перед таверной, где на богато украшенной вывеске позолоченными буквами было написано «Водопад Виктория».

Заведение было хорошо посещаемым, чего не предполагалось в подобном квартале. Рассеянное освещение настенных газовых светильников и несколько удобных кресел, разделенных ширмами, обеспечивали определенную обособленность клиентуры, хотя и шумной, но не слишком.

Заказав два пива, мы расположились за одним из немногих незанятых столиков.

– Посмотрите вон на ту дверь, – начал Оуэн, принимая заговорщический вид.

Я посмотрел в указанном направлении и увидел джентльмена, который не спеша открыл дверь, вошел и затворил ее за собой.

– Еще один, на всякий случай, – прошептал Оуэн, глаза которого блестели от возбуждения.

– О чем вы говорите, черт возьми? Еще один кто?

– Член клуба Гелиоса. Это секта, поклоняющаяся Солнцу...

– Секта?! – воскликнул я, поднося бокал к губам.

– Да, секта, одним из главных членов которой, по моим сведениям, был сэр Томас.

– Секта! Эти люди зачастую готовы на все... Дьяволыщина! Дело может оказаться очень опасным...

– Но в этом и заключается наше расследование, не так ли? Убийцы, в сущности, люди опасные, насколько я знаю, даже если среди них попадаются художники...

– Значит, вы думаете, что серия недавних преступлений непосредственно связана с этой сектой?

– Это только один след среди остальных, потому что, насколько мы знаем, ни Александр Райли, ни мисс Мари Домон не посещали клуб Гелиоса. Но эта версия тем не менее заслуживает более глубокого рассмотрения.

Оуэн прервал свое объяснение, чтобы закурить сигару, и после нескольких затяжек продолжил по-прежнему доверительным тоном:

– Мы уже говорили о золотых вспышках на небе при убийстве сэра Томаса. А вы знаете, что до того, как стать завсегдатаем Королевского географического общества и специалистом в области нумизматики, он прошел путь отважного искателя приключений или, скорее, предприимчивого археолога? Его работы по Древнему Египту завоевали всеобщее признание. В молодости он сопровождал несколько экспедиций к берегам Нила. И я думаю, именно по этой причине у него возникла «вера» в Гелиоса, в солнце, так почитаемое древними египтянами...

– Он был специалистом по нумизматике? Значит, древняя монета, найденная у него в руке после убийства, наверняка принадлежала ему!

– По сведениям Уэдекинда, она не входила в его личную коллекцию. Но оставим это пока в стороне и лучше подумаем, как нам подготовиться к тому, чтобы войти в логово льва...

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять намерения Оуэна.

– Да, – сказал он, качая головой. – Насколько мне известно, мы смогли бы посетить заседание клуба, если наденем костюмы, достойные Гелиоса... Кажется, для этого достаточно встретиться с их патроном. Этот случай нельзя упустить, поскольку они собираются только раз в месяц. И не смотрите на меня так, Ахилл, я не сошел с ума! Просто пытаюсь вести расследование с помощью тех средств, которыми располагаю! Допивайте ваш бокал и следуйте за мной.

Сначала я был смущен дружеской и понимающей улыбкой хозяина таверны. Но теперь не видел ни малейших признаков угрозы. Этот добрый человек объяснил нам, что надо пройти в коридор, начинающийся за дверью в конце зала, зайти в первую комнату направо и открыть большой стеной шкаф, где находятся «маска и туника». Следующей комнатой был зал для собраний.

С чувством возрастающего недоверия я последовал за моим другом, пройдя коридором, где ощущался легкий запах благовоний и куда доносился приглушенный голос, что-то вещавший высокопарным тоном. В указанной комнате на столе горела керосиновая лампа, а в стенном шкафу находилось с полдюжины вышеупомянутых предметов. Мы повесили нашу верхнюю одежду на две свободные вешалки, а затем надели что-то типа длинных фиолетовых туник, обшитых золотым позументом по вороту и краю рукавов. На уровне груди вышитый золотом круг символизировал солнце, лучи которого расходились к подолу туники. Маска представляла собой плотный диск, обтянутый желтым шелком. Три отверстия на месте глаз и рта были оторочены позолоченным шнурком. Когда мы вырядились в преданных почитателей Гелиоса, я спросил у Оуэна, знает ли он, каким образом мы собираемся участвовать в этом маскараде.

Он приложил палец к губам и сделал знак следовать за ним. Я так и не понял, был ли он серьезен или, наоборот, втихомолку посмеивался. Мы прошли несколько метров по темному коридору и остановились перед второй дверью, за которой слышался тот же приглушенный голос. Оуэн приоткрыл створку двери, осторожно заглянул внутрь, а затем вошел.

Довольно просторный зал, предназначенный для собраний, был скупо освещен масляными лампами, расположенными на подставках по обеим сторонам «алтаря», рядом с чашей, в которой курился фимиам, источая дурманящий аромат. Неверный свет вспыхивал отблесками на масках и золоченом шитье одежд поклонников Гелиоса числом около тридцати. Два человека – священнослужители совершали ритуал за «алтарем», простым столом, покрытым белой тканью. На них были такие же церемониальные одежды, как и на остальных верующих. Один жрец был довольно худеньким и невысоким, другой – более рослым и крупным. Этот последний обращался к собравшимся, жадно слушавшим его. Очень напыщенным тоном он восхвалял солнце, превозносил его божественную власть, его сияние, красоту, щедрость, многочисленные добродетели, перед которыми смиренные служители клуба Гелиоса простирались ниц в полной покорности и с вечной благодарностью. Я привожу здесь лишь краткий отрывок из речи оратора, которого будет достаточно, чтобы представить себе ее дифирамбический характер.

Прекрасен твой свет на бахроме небес!
Атон жизни, первый из всех живущих,
Когда ты встаешь на востоке,
Ты простираешь всюду свою красоту.
Ведь ты прекрасен и велик:
Освещая землю,
Твои лучи объемлют все вокруг,
Все в мире создано тобой
Ты – наш владыка и повелитель...

Оуэн и я заняли самое укромное место возле выхода. Наш приход вряд ли был бы замечен, если бы маленький жрец не скользнул взглядом по нашим лицам. Когда мои глаза привыкли к темноте, я предположил, что это, несомненно, была молодая священнослужительница, если судить по ее мягким округлым формам, вырисовывавшимся под шелком туники.

– Смотрите, – шепнул мой друг, – похоже, рядом со священниками есть пустое место. Я заметил маску, положенную на алтарь, как бы отмечающую его отсутствие... или смерть. Держу пари, это было место сэра Томаса!

Я ничего не ответил. Поначалу меня одолевало беспокойство, но по мере того, как оратор продолжал свои восхваления, его напыщенный тон, не позволявший воспринимать все это всерьез, рассеял мои опасения. Кроме того, я ощущал спокойствие и расслабленность аудитории, которая совсем не походила на сборище фанатичных сектантов. И еще я увидел растущее разочарование Оуэна, молчание которого было более чем красноречивым.

Через четверть часа, не выдержав больше, я предложил моему другу пойти в зал и взять еще пива. Он не заставил долго упрашивать себя. Пять минут спустя, аккуратно положив на место костюмы почитателей Гелиоса, мы оказались за тем же самым столиком перед двумя бокалами темного пенящегося пива. Явно раздосадованный Оуэн мрачно молчал.

– Ваши сведения, без сомнения, хороши, – проговорил я, пытаюсь подавить оттенок иронии в голосе, – но, боюсь, мы имеем дело вовсе не с одной из тоталитарных сект, систематически устраняющих тех своих членов, кто осмелился нарушить их правила...

Немного позже мы увидели людей, выходивших из двери коридора небольшими группами через определенные промежутки времени.

Очевидно, заседание только что закончилось. Все «сектанты», улыбающиеся и добродушные, похоже, были выходцами из буржуазной среды. Во взгляде некоторых молодых людей можно было заметить страсть рьяных адептов. Но это сугубо мое впечатление. Пары направились прямо к выходу, а несколько мужчин расположились в баре.

– Судя по всему, люди здесь самые обычные, – поделился я своим наблюдением, – и мне трудно представить их в роли убийц... Что вы думаете об этом, Оуэн?

Несколько секунд он сидел нахмурившись, а затем, удобно устроившись в своем кресле, чистосердечно улыбнулся, как бы насмехаясь над самим собой.

– Что я думаю, Ахилл? Что я самый большой шут в мире!

– Да нет же, нет! – ответил я отеческим тоном. – Ведь даже самые великие порой ошибаются, не так ли?

– Точно!

– Впрочем, разве наше ремесло не велит нам рассматривать даже самый незаметный след?

– Вы говорите, как мудрец...

– А, кроме того, мы вовсе не зря провели вечер, пиво здесь восхитительное... Не взять ли нам еще по одному?

– Вы настоящий философ, – бросил он мне, поднимая руку. – По доброте своей я прощаю вам все ваши ошибки, даже то, что вы не узнали девять моих муз!

Несколько дней спустя дело так и не сдвинулось с мертвой точки, в отличие от многочисленных статей, появлявшихся во всех газетах. Оуэн, несомненно, для того, чтобы простимулировать себя, принялся вновь разглагольствовать по поводу художника-преступника. Его аудитория оставалась неизменной: ваш покорный слуга, пришедший поздним утром к нему в гости. Как и предыдущие дни, этот день середины мая выдался очень солнечным, что положительно влияло на моральное состояние большинства лондонцев, среди которых был и сияющий Оуэн.

– Преступник – это художник-живописец, а его преступления – это картины, – заявил он, расхаживая по старинному ковру, лежащему возле камина.

– Вы заходите слишком далеко, – возразил я, прекрасно зная, что, предаваясь подобным размышлениям, он запускает свой дедуктивный механизм.

– Вовсе нет! – высокомерно парировал Оуэн, – Несомненно, такое сравнение позволено мне, но оно не может сказать о многом. Впрочем, я уступаю его вам и утверждаю, что большинство живописных полотен не достигает высоты идеальных преступлений, поскольку выполнено довольно грубо! Но есть и такие, которые считаются непревзойденными!

Возьмем произведения, достойные этого эпитета, к примеру, великолепного Джона Констебла, являющегося гордостью моей гостиной.

Оуэн остановился перед большой картиной и погрузился в созерцание, прежде чем продолжить:

– Сначала прописывается задник, общий фон, в данном случае безмятежная голубизна неба и утопающая в зелени английская деревня. Идеальное преступление тоже всегда имеет типичный фон, то, что мы часто называем «театр», «сцена» или «место преступления». Отметьте выбор этих метафор, их определенно художественное направление.

Затем перейдем к основным деталям картины. Это плуг, удерживаемый двумя фермерами, и маленький деревенский домик, который кажется ключевым элементом картины, несмотря на его незаметность. Он мог бы быть главным действующим лицом драмы, поведение и свидетельство которого будут определяющими. Или же несколько предметов, непосредственно связанных с убийством, как, например, орудие преступления или стол, на который рухнула жертва.

Третий элемент, несмотря на его кажущуюся незначительность, играет важную роль. Это небольшие, почти незаметные мазки, многочисленные подрисовки и бесконечные цветовые полутона, придающие произведению его великолепие и часто свидетельствующие о таланте мастера. В убийстве это были бы детали, занимающие свое место либо в соответствии с обстоятельствами, либо случайно или как предметы, умышленно оставленные убийцей, а значит,

представляющие собой ложные следы. Это в основном то, обо что спотыкаются новички или любители. Только эксперт обладает особым чутьем, позволяющим различать нюансы этих деталей. И вы лучше, чем кто-либо другой знаете, что в этой области мне нет равных.

И наконец, основная тональность, тембр, преобладающий оттенок, что является отличительной чертой каждого полотна. Этот свет самой сути трудно почувствовать в идеальных преступлениях, так как часто он высвечивает мотивы убийцы, его сокровенные намерения, которые он, конечно, утаивает, страшась разоблачения. Искусному художнику удастся скрывать эту глубинную ясность с помощью различных ухищрений, более или менее хитроумных, в зависимости от степени его таланта. Однако вы уже поняли, Ахилл: в деле, которым мы занимаемся, нужно найти тот самый свет, так как именно он приведет нас к разгадке!

Он подошел к окну и устремил взгляд к ясному небу.

– Свет, – произнес Оуэн восхищенно. – Свет солнца... Пожалуй, правы члены клуба Гелиоса. В такую погоду я чувствую себя в превосходной форме! И уверен, что скоро мы столкнемся с новой деталью, которая поможет нам значительно продвинуться в...

Его прервал звонок в дверь. Он быстро вышел из комнаты и вскоре вернулся в сопровождении светловолосого молодого человека с серьезным лицом, и я инстинктивно понял, что предчувствие его не подвело. Такое впечатление подтверждали возбужденно блестящие глаза моего друга.

– Ахилл, – объявил он, – разрешите представить вам мистера Майкла Денхема, который может рассказать нам много интересного по поводу серии преступлений, о которых столько шума в прессе! *Он уверен, что знает убийцу!*

Глава 5

У нашего гостя, который выглядел лет на двадцать пять, был изящный овал лица и тонкие светлые, довольно длинные волосы, спадавшие на редингот оливкового цвета. Негустые бакенбарды обрамляли впалые щеки. Шелковый платок цвета морской волны, замотанный вокруг шеи, удачно оттенял его глаза и добавлял манерам нашего гостя некоторую нарочитость. Та неловкость, с которой он закурил сигарету, выдавала его нервозность.

– Разумеется, я ни в чем не уверен, – начал он, – однако с психологической точки зрения относительно этой личности имеются такие предположения, что, смею утверждать, я не могу ошибаться. Но чтобы вы лучше поняли проблему, я должен рассказать вам о себе, Амели и Поле... Даже если мистер Бернс нас немного знает, так ведь?

– Поступайте, как считаете нужным, – ответил Оуэн, махнув рукой. – Ясность – самая полезная вещь в мире.

– В настоящее время я работаю у мистера Джона Брука, владеющего несколькими фабриками по производству бумаги, а кроме того, он интересуется многими вещами и в том числе живописью. Именно в этой области я работаю у него, поскольку я – художник-живописец. Он заказал мне целую серию полотен на тему Востока. Прошел примерно год, как я познакомился там с Амели...

– С его дочерью? – спросил я.

– Нет. Но он был практически ее крестным, так как Амели – единственная дочь одного из его лучших друзей, погибшего, когда она была еще совсем юной. Амели жила у своей старой тетки, но часто приезжала в Северн-Лодж, резиденцию Джона Брука. А значит, я часто виделся с ней, и уже ни для кого не было секретом, что я влюбился в Амели.

Майкл Денхем сделал паузу, выпустил два-три клуба дыма, как будто чтобы обрести уверенность, его голос немного понизился после последних слов.

– Разделенная любовь, – продолжил он, – но кое-кто воспользовался ситуацией и совершил вероломный поступок. Более того, у Амели игривый и переменчивый характер, чем он не преминул воспользоваться... Мой работодатель жил с женой и единственным сыном, Полом, примерно того же возраста, что Амели и я... От сынка-то и исходило все зло.

Майкл силился сохранять нейтральную интонацию, но ему это не удавалось.

– Я не подозревал о настоящих чувствах Пола, так как он был очень замкнутым, даже каким-то таинственным. Он уверял, что был влюблен в Амели с самого детства, с тех пор, как они познакомились. Но якобы случайно ему стало известно, что Амели и я влюблены друг в друга и решили признаться ему в этом. Если не вдаваться в детали, я приехал на тот рождественский вечер прошлого года, где, кажется, были и вы, мистер Бернс...

Оуэн, задумчиво приложив палец к губам, сделал ему знак продолжать.

– Этот вечер был традиционно организован мистером Бруком. Собралось очень много народу. Пунш лился рекой, и все довольно быстро разогрелись. Пол Брук и я, выпив больше разумного, стали упрекать друг друга не в самых дружелюбных выражениях и были недалеко от того, чтобы пустить в ход кулаки. Амели тоже находилась под воздействием выпитого пунша. В общем, чтобы разрешить наши разногласия, она сочла нужным вмешаться в спор в своей манере, громко объявив, что будет принадлежать тому из нас, кто предоставит ей неопровержимое доказательство любви! Кто-то из присутствующих спросил, о какого рода доказательстве она говорит. «Влюбленный должен убить кого-нибудь ради меня!» – ответила Амели. «Убить, совершить преступление?» – спросил кто-то из гостей. «Да! Преступление! Преступления! И красивые преступления!»

Амели как будто опьянял всевозрастающий интерес, спровоцированный ее словами, и она не без гордости вызывающе кивала людям, надбавлявшим цену замечаниями типа: «Да,

художественные преступления!», «Чудесные преступления!». «Семь чудес преступления!» – воскликнул один из присутствующих, проводя параллель между семью чудесами света, что сразу вызвало новую волну споров, в которых каждый старался проявить свою эрудицию.

– Очень азартная игра для джентри², – насмешливо пояснил Оуэн. – В результате все были раззадорены игрой, соревновались в остроумии... Да, я помню это, мистер Денхем. Я действительно присутствовал на том приеме и находился неподалеку от вашей спорящей группы. Я точно помню последние слова Амели, которая в конце концов сказала одному из вас эти решительные и примечательные слова: «Вы любите меня? Это радует. Ну, а теперь убейте!»

– Точно. Она сказала это Полу, который сразу же подтвердил, что ради нее готов на все.

Таким образом, подумал я, Оуэн скрыл от меня эту историю. Как я уже догадался, он знал об этом больше, но не хотел говорить. В дальнейшем к данному вопросу следует вернуться.

– Конечно, – продолжил наш гость, едва заметно пожав плечами, – постепенно, обретая спокойствие и ясность ума, я не придал значения реакции Пола, списав все на нашу почти естественную вспыльчивость с учетом возникших обстоятельств. Но позже и особенно в последние дни я вспомнил его слова, что он ради нее «готов на все».

Майкл, помрачнев, замолчал. Когда он вытаскивал сигарету, я обратил внимание на его руки, на длинные холеные пальцы, которые могли бы быть руками пианиста. Но пианиста, испытывающего страх, так как они слегка подрагивали.

Что касается Оуэна, то он сжал кулаки в глубоком раздумье. Затем его лицо исказила гримаса, и он заявил четким голосом:

– Если я хорошо вас понял, мистер Денхем, вы хотите сказать, что ваш соперник всерьез принял вызов, брошенный мисс Амели. Чтобы окончательно завоевать ее сердце, он решил заплатить огромную дань, требуемую принцессой: *совершить серию идеальных преступлений!*

– Чудесных преступлений! – уточнил молодой художник, и на лбу у него выступили жемчужные капельки пота. – Семь чудес преступления, если точно цитировать слова вызова. Я хорошо понимаю, что эта гипотеза кажется абсурдной, смешной, безумной... Так как никто на вечеринке не принял всерьез эту глупую комедию, разыгранную нами! Вначале эта идея казалась мне безрассудной, но сегодня... читая заметки в прессе по поводу этих удивительных трех убийств, я решил не обращаться в полицию, но вполне допускаю, что их исполнителем мог быть Пол...

Наступила тишина. Майкл Денхем нервно погасил сигарету и поднял на Оуэна тяжелый, несколько надменный взгляд.

– Мне известна ваша репутация, мистер Бернс. Несколько человек говорили о вас, о той удивительной легкости, с которой вы разгадываете самые сложные тайны. И так как вы не служите в полиции, это избавляет меня от официальных действий, всегда мучительных, как вы понимаете! Поэтому я и пришел к вам поделиться моими подозрениями, в которых на самом деле почти уверен. В некотором смысле мое положение весьма неприятно, поскольку может сложиться впечатление, что таким образом я хочу избавиться от соперника. Но, с другой стороны, я не могу молчать... Мое молчание было бы преступным! Так как весьма вероятно, что он пойдет до конца, то есть продолжит зловещую серию!

Молодой человек замолчал. Мы тоже не проронили ни слова. Обвинения Майкла казались мне безумными и очень пристрастными, но инстинкт подсказывал, что расследование принимает верное направление. Предельно сосредоточенная поза моего друга убеждала меня в правильности такого впечатления. Наконец Оуэн заговорил:

– Из-за любви, как известно, можно потерять голову. Это чувство способно заставить перевернуть мир. Кроме того, мистер Денхем, я склоняюсь к тому, чтобы рассмотреть мотив того человека, о котором вы только что упомянули, чтобы объяснить действия загадочного

² Gentry (англ.) – нетитулованное мелкопоместное дворянство.

преступника. Но вы, конечно, согласитесь, что ваше обвинение не основано ни на чем реально осязаемом. Есть ли у вас другие причины верить в виновность мистера Пола Брука?

– Конечно, это ничего не доказывает, но я могу констатировать, что он отсутствовал в день последнего преступления, двадцатого апреля. О предыдущих случаях у меня довольно смутные воспоминания. Но не на этом основана моя уверенность, и вы должны знать лучше, чем кто-либо другой, что хитроумный преступник всегда создает себе надежное алиби. Я думаю, Пол потерял голову из-за Амели, однако, несомненно, больше из-за своей гордыни, нежели из-за любви. Он очень скрытный человек, но я знаю, что по отношению ко мне он испытывал чувство жестокой ревности, толкнувшее его на то, чтобы получить абсолютный приоритет на завоевание Амели. Однако чтобы понять это, нужно знать его или постоянно соприкасаться с ним.

Оуэн несколько раз одобрительно покачал головой, а затем спросил:

– Вы часто ссорились?

– Вначале да, но после той вечеринки уже нет. В его поведении произошла полная перемена, что тоже показалось мне важным...

– Кто-нибудь знает, что вы пошли ко мне?

Майкл отрицательно покачал головой.

– А о ваших подозрениях?

– Тоже нет. Вы, конечно, понимаете, что я не собираюсь объяснять своему работодателю, что его единственный сын скорее всего является преступником, которого разыскивает Скотленд-Ярд.

– И вы ничего не рассказали даже вашей невесте, мисс Амели?

– Я попытался с ней поговорить, – вздохнул молодой художник, – но не смог... Это очень деликатный вопрос. Она могла бы подумать, что таков мой корыстный расчет, и порвала бы со мной, чтобы из жалости остаться с этим типом. В общем, я не смог на это решиться, несмотря на огромное желание. Я был бы вам благодарен, если бы вы поняли мою сдержанность. Впрочем, я не прошу вас вести расследование из-за моего рассказа. Я просто хотел предоставить правосудию сведения, очень важные, с моей точки зрения, чтобы помочь в этом деле.

– Я понимаю, мистер Денхем. Очень хорошо понимаю ваше положение.

После долгого молчания молодой человек, полагая, что он уже чересчур злоупотребляет вниманием хозяина, встал, чтобы откланяться. Прежде чем покинуть комнату, он, колебавшись, задал последний вопрос:

– Так я правильно сделал, что пришел к вам, мистер Оуэн?

– Не беспокойтесь, мистер Денхем. Мы будем рады снова увидеться с вами.

Когда фиакр, нанятый нашим гостем, исчез из вида, я отошел от окна и снова сел в кресло.

– Думаю, Оуэн, вы должны мне кое-что объяснить...

– Минуточку, я только посмотрю, приходил ли уже почтальон.

– Несомненно, ведь уже больше одиннадцати часов. Но корреспонденция подождет. Я хочу поговорить с вами об уже полученном письме, а точнее, о том сообщении, которое сейчас находится в «Баснях» Лафонтена, если вы не переложили его за это время.

Оуэн молча окинул меня долгим, не лишенным значительности взглядом, а затем улыбнулся:

– Мой дорогой Ахилл, если бы вы меня внимательно слушали, то знали бы, что я не солгал.

– Не бойтесь, я доверяю вам и понимаю, что вы осторожны при выборе тех или иных слов!

– А я вам также объяснил причины моего молчания по поводу некоторых ваших расспросов. Впрочем, в итоге с вашим нюхом, равного которому нет во всем королевстве, вы всегда натываетесь на истину. Я процитирую только одно из ваших недавних замечаний, например:

«Этому чуду преступления», – сказали вы, когда мы говорили о художниках-преступниках, и данное замечание фонетически привело нас к *семи* чудесам преступления. Значит, вы прикоснулись к тому, что и мне пришло в голову.

Да, как я уже говорил мистеру Денхему, я был на этой вечеринке, организованной мистером Бруком. Но вы не знаете, что я развлекался в обществе людей с не слишком высоким интеллектом. И я, естественно, вспомнил об этом, получив загадочное сообщение, слово в слово повторяющее слова мисс Амели, брошенные своим воздыхателем.

– Своим или одному из своих воздыхателей?

– Этого я не знаю. Если мне не изменяет память, у меня сложилось впечатление, что она обращалась к обоим, но Майкл Денхем думает иначе. Вы знаете мисс Амели Долл? Нет? Тогда скажу вам, что она – одно из самых восхитительных созданий, и это признают практически все, многие без ума от нее...

Оуэн повернулся к одной из своих муз и улыбнулся, как будто увидел в ней ту самую молодую девушку.

– Многие из двуногих особ мужского пола хотели бы быть на месте этих двух спорящих юнцов. Одним словом, вполне понятны и их бесконечная преданность, и взаимная ревность. Вероятно, вы хотели бы увидеть Амели, так как у меня есть намерение в ближайшие дни ее навестить...

– Если вы думаете, что мое присутствие там будет полезным, я не возражаю...

– Вы мне как брат. И честное слово, – он оценивающе осмотрел меня с головы до ног, – у вас есть шанс принять участие в этом визите, что может сказаться благоприятным образом. Можно будет заподозрить вас в участии в «чудесных преступлениях», ради того чтобы унести трофей от этой милой барышни. Но если говорить серьезно, Ахилл, я уже рассмотрел эту версию, то есть предположил, что один из двух юных безумцев принял ее вызов всерьез. Я думал об этом, но не верил, что все окажется реальностью, поскольку такой поворот представлялся слишком гротескным. Но сейчас один из них пришел ко мне, чтобы сказать то, что я не осмеливался произносить вслух...

– Что вы думаете об этом мистере Денхеме, художнике-живописце?

– Как художник, он при обычных обстоятельствах должен быть достаточно интересным и очень занимательным. Но сейчас страсть лишила его всякого чувства юмора.

– Я говорю о самом факте, что он художник... Разве это не та самая профессия художника-преступника, о которой вы совсем недавно так блестяще рассказывали.

– Бог мой, Ахилл, это же только образ! И когда вы перестанете буквально воспринимать все, что я говорю!

– Вы, кажется, забыли, что наш преступник посылает свои «картины» в полицию!

– Я вам тысячи раз повторял, что худший враг нашей профессии – это скороспелые выводы!

Его реакция меня совсем не удивила. Когда вывод казался слишком очевидным, Оуэн имел привычку отклонять его.

– По вашему мнению, – спросил я, – это он отправил вам сообщение в тот день?

– Вы должны были спросить его об этом. Но я так не считаю, скорее я думаю о...

В этот момент раздался звонок. Через несколько мгновений Оуэн уже встречал агента полиции, мрачный вид которого не предвещал ничего хорошего. Тяжелое дыхание свидетельствовало о том, что он очень спешил.

– Меня прислал инспектор Уэдекинд, – пробормотал полицейский. – Он очень просил сопровождать вас на место трагедии... В Скотленд-Ярде сегодня утром получили очередную картину и только что обнаружили жертву в чем-то вроде оранжереи, возле которой нет никаких следов, совершенно открытой... Там нашли полкового врача Родеса, *умершего от жажды перед кувшином, до краев наполненным питьевой водой!*

Глава 6

Переехав Темзу, мы двинулись на запад, к Сиксти-Акр-Вуд. За пустырем тянулись участки, отведенные для садов или цветников, окаймленные кустами и высокими деревьями. Но окрестности казались достаточно заброшенными. На краю леса мы заметили несколько экипажей, где молча сидели кучера. Скотленд-Ярд уже был на месте.

Наш фиакр остановился рядом с другими, и, выйдя из него, мы сразу направились вслед за офицером по тропинке, идущей через лес. Метров через сто мы вышли на большое поле, в центре которого находилось что-то вроде оранжереи в форме домика.

Мы направились к нему. На высоте колодца я заметил ряд досок, лежавших на голой земле, выровненной и слегка потрескавшейся. Четыре солнечных дня сильно иссушили почву. Полицейские стояли на досках, и один из них предложил нам последовать за ним по дощатой дорожке, чтобы подойти к оранжерее.

Это была небольшая конструкция под битумной крышей. Вместо стен вставлены стекла, как в большой теплице. Никакой мебели, кроме ветхого комода с горшками и садовым инвентарем. Несколько сосновых досок служили в качестве пола. В центре лежало тело высокого крепкого мужчины лет пятидесяти с голым торсом. У него были гладкие, коротко стриженные волосы и обветренное лицо. Он лежал на правом боку, странно скорчившись, но что было особенно поразительным, так это выражение его изборожденного морщинами и странно застывшего лица. На спине с выраженной мускулатурой были видны старые шрамы.

Рядом с телом находились судебно-медицинский эксперт, полицейский в форме и инспектор Уэдекинд, который поприветствовал нас кивком головы. Его блестящая от пота кожа свидетельствовала о сильной жаре, царившей в этом месте, но также об ожесточении и бессильном гневе перед новой трагедией. Тем не менее он слегка улыбнулся, однако это была нерадостная улыбка. Уэдекинд сказал, глядя на нас:

– Жертва – офицер Гектор Родес. Мы нашли его документы в куртке, аккуратно сложенной на комод, хотя рубашка, скомканная, валялась в грязи в углу помещения. Сегодня утром мы получили очередную «картину», на которой наш «художник» написал: «Я УБЬЮ РОДЕСА, КОГДА БУДУ В ЗЕНИТЕ».

– Да, это очевидно, – прошептал Оуэн, как будто разговаривая сам с собой.

– Послание – такое же туманное, как предыдущие, но хорошо, что мы искали тело недолго, так как два часа спустя нам уже сообщили об этом трупе, который был обнаружен за час до получения «картины». На этот раз, если можно так сказать, везение на нашей стороне. Я велел принести на осмотр предметы, которые мы обнаружили по прибытии, хотя здесь нет никаких признаков чьего-либо присутствия. Правда, неподалеку от тела лежали два сложенных пополам черенка от лопаты. Рядом с жертвой находилась подозрительная труба, а прямо перед носом, так сказать... *кувшин с водой!* Наполненный до краев водой, самой что ни на есть питьевой! Тем не менее этот человек умер от полного обезвоживания, как будто, лишившись сил, рухнул после долгой и безуспешной попытки пересечь пустыню... *Умер от жажды! Умер от жажды перед кувшином с водой!*

– Невероятно, – проговорил Оуэн с видом, похожим на удивленное восхищение. – Совершенно невероятно! Действительно, мы имеем дело с незаурядным преступником!

– Это все, что вы можете сказать? – рассердился полицейский.

– Я пытаюсь ради приличия быть предельно кратким. Потому что такое преступление вызывает восхищение самого требовательного криминального эксперта. Но когда на самом деле наступила смерть?

– Не так давно, я думаю, – ответил судебно-медицинский эксперт. – Самое большее, двенадцать часов назад, но я хочу дождаться результатов вскрытия, хотя есть риск, что эти

результаты будут неточными, если у этого человека несколько дней не было во рту ни капли воды, в чем я практически убедился при первом осмотре. Взгляните, например, на его кожу, тусклую и высохшую, это вполне красноречиво...

– Сколько времени он оставался без воды?

– При такой погоде, как в последние дни, да к тому же если он находился в этом душном месте, то не больше трех дней...

– Однако, – продолжил инспектор Уэдекинд, – мы знаем, что он находился именно здесь. У нас есть убедительное доказательство. И это один из самых странных аспектов данного убийства. Пойдемте, господа, следуйте за мной...

Он вышел из оранжереи и прошел несколько метров по доскам.

– Посмотрите туда, – сказал он, указывая на широкую полосу разровненной земли, окружавшей строение. – На десяток метров вокруг земля была не так давно засеяна газонной травой. И, кажется, до наступления жары здесь был хороший ливень, после которого на поверхности почвы образовалась тонкая корочка, местами растрескавшаяся. Малейший шаг по такой поверхности оставляет очень четкий отпечаток. Однако садовник, обнаруживший тело, а затем и мы сами, констатировали, что здесь не было никаких других следов, кроме тех, которые только что оставили мы сами! Впрочем, мы сразу же приняли меры предосторожности и положили эти доски, по которым теперь передвигаемся. С другой стороны, как вы могли заметить, в двери нет ни замка, ни задвижки. Жертву никто не запирали, убийца не мог удерживать ее силой. Чтобы выйти, ему достаточно было разбить любое из окон. А значит, этот Родес был совершенно свободен в своих перемещениях...

Оуэн задумчиво осматривал место преступления, затем, сделав руку козырьком, посмотрел на солнце, сверкавшее высоко в небе.

– Узнаем, который час, – проговорил он. – Еще нет двух часов... А этот человек мог умереть двенадцать часов назад? Значит, ранним утром? Следует признать, что на этот раз убийца был не очень точен...

– Я не понимаю вас, – сухо заметил Уэдекинд.

– Разве он не объявил, что «Родес» умрет, когда «Я» буду в зените? Следует воспринимать это «Я» как солнце, а посредник солнца – это жара, которая в итоге и является убийцей Родеса. И кстати, Уэдекинд, не было ли на последней «картине» точек, отмечающих отсутствующие буквы?

– Нет. Я обратил на это внимание.

– А я в этом сомневаюсь, – отозвался мой друг с раздражающей уверенностью.

– Вы сомневаетесь? – насмешливо бросил инспектор. – Может быть, вы также сомневаетесь, что жертвой стал некий Гектор Родес?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.